

Назначение Вячеслава Гордеева руководителем балета Большого театра стало сенсацией в мире искусства. Сегодня он отвечает на вопросы "Недели".

- Вячеслав Михайлович, уйдя из Большого театра шесть лет назад, вы сохраняли с ним какие-то связи?

- Знаете, эти годы пронеслись так незаметно, что кажется, будто я покинул Большой вчера. Не было времени, когда бы я не интересовался им, не следил за тем, что там происходит, - правда, только на сцене, а не за кулисами. Всегда покупал билеты и ходил на спектакли...

- То есть как? Бывший ведущий танцовщик ходил по билету?

- А что поделать? Если ты обращаешься в администрацию раз, другой, и тебе отвечают, что, увы, все места в ложе "для своих" уже заняты, проще купить билет и пойти в театр как рядовой зритель. Вообще Большой театр можно сравнить с огромной и в чем-то бездушной машиной. Я это ощутил давно, еще когда однажды на спектакле разорвал сухожилие - ахилл - и меня срочно отправили в больницу. В администрации говорили: "Слава, если нужно врачей пригласить в Большой - конечно, мы все сделаем". Но

ежедневно как следует занимаюсь в классе, они не болеют, - наконец, я не люблю пьянства. И мне незахотелось строить из себя доброго дядюшку. У меня нет в Большом вне творческих интересов: я не нуждаюсь в зарубежных поездках - у меня их было и будет достаточно, - мне не нужно продвигать здесь своих

владельцев, то ведь и там крупнейшие театры в сезон ставят именно нашу классику, а потом едут на гастроли и показывают современные постановки. А уж в Большом классика должна идти обязательно. Ее нужно обновлять за счет оформления, костюмов, новых подходов к исполнению. Невозможно же сегодня представить на сцене декорации или танцевальную манеру начала XX века - это будет комично. Так что балет развивается и в классических постановках.

Вячеслав Гордеев

как только я обратился с этой просьбой - мест не нашлось...

- Это говорит о климате, сложившемся в этих стенах?

- Да нет, скорее дело в том, что такой театр - это, в сущности, большое "производство", каждый день он должен выдавать сложную "продукцию" - спектакль, и вот за этой текучкой куда-то уходит человеческое тепло.

- А получили предложение возглавить балетное "производство", какие "за" и "против" вы взвешивали?

- По-человечески ситуация для меня была трудна тем, что у меня был (и есть) свой коллектив, который я возглавляю с 84-го года и который люблю и лелею, как ребенка. И Владимир Викторович Васильев, пригласив меня в Большой, наверно, предложил мою кандидатуру потому, что знал, как я расширял и совершенствовал то дело, которое досталось мне не в лучшем состоянии, и как за несколько лет довольно слабая труппа "Московского балета" превратилась в очень профессиональный театр "Русский балет". Это подтверждают и разные престижные призы, такие как звание лучшего балетного коллектива Европы, и "Золотой билет", который вручался всего лишь дважды в истории, за рекордное число зрителей, побывавших на наших спектаклях в Германии. И главный секрет этих побед состоит в том, что у нас собрались артисты, способные думать о балете 24 часа в сутки - это сейчас огромная редкость.

- Редкость и в Большом тоже? В своей "тронной речи" перед труппой вы очень жестко поставили вопрос о дисциплине. Как вы считаете - руководитель театра должен быть диктатором?

- В том, что касается творчества, диктатура необходима. Но если она переходит в сферу личных отношений, если руководитель начинает руководствоваться своими симпатиями и антипатиями, позволяет себе оскорблять, унижать людей - это уже болезнь, опухоль, которую надо удалять. Разборки, сотрясавшие Большой театр последнее время, как раз и были результатом протеста против несправедливых решений, когда, например, человека могли снять с зарубежной поездки только потому, что он был не в ладах с кем-то из руководства. Артист - всегда личность. Он может простить какое-то оскорбление в быту, но не в творчестве - такая обида, как песок, не растворяется, а оседает в душе. И не дай Бог, чтобы я когда-то оказался виноват в чьем-то нервном срыве.

А моя речь - да, может быть, она прозвучала немножко резко. Но я говорил о насущном. Я действительно не люблю расхлябанности, разболтанности, не люблю больных - потому что когда артисты балета

Неделя - 1995 - апр. (N 17) - с. 13

родственников... Поэтому могу говорить то, что думаю. Если артисты примут мои принципы - будем работать, нет - мне есть куда уйти.

- Но вы согласны с тем, что утверждает, что Большой театр постигла катастрофа?

- Я очень настороженно отношусь к подобным разговорам. Крах театра наступает тогда, когда, если говорить о здании - рухнула крыша, если говорить о труппе - нет талантов. Я бывал во многих театрах мира, среди них есть очень сильные, по каким-то параметрам не уступающие Большому. И все же рядом с ним ни один театр встать не может. Потому что отсутствует главное - тот артистический состав, который есть здесь.

Хотя да, кордебалет разболтан, да, не хватает солистов, да, качество спектаклей не соответствует марке Большого, - может быть, из-за репертуарной политики, или оттого, что Большой уж очень много и как-то суетно выезжал за рубеж. Первый состав - лучшие - выступал там, куда более слабый второй танцевал здесь. Это просто недопустимо. Ка-

А новые постановки... Они были, когда Юрий Николаевич Григорович был творчески активен - "Легенда о любви", "Спартак" вошли в историю Большого театра. Сейчас мы можем только догадываться, почему у него наступило творческое затишье, почему не приглашались выдающиеся или, скажем так, популярные балетмейстеры из-за рубежа. Наверно, никому, кто работал здесь, не нужна была конкуренция, а кроме того, постановщикам такого класса надо очень много платить. У театра сейчас нет достаточной государственной поддержки, чтобы осуществлять какие-то грандиозные проекты. Спектакль может выпасть из репертуара из-за какой-то мелочи. Вот я сейчас обнаружил, что "Спящая красавица" не может идти, потому что сгнила "панорама" (движущийся живописный задник), а сделать новую не могут - то сетки нет, то мастерские заняты...

Но я не считаю ситуацию безнадежной. Она выправится, когда будут новые постановки. Главное - чтобы на сцену не просочились второсортные спектакли. Да и не вся-

“Мне незачем строить из себя доброго дядюшку”

ждый год сюда приходят самые одаренные выпускники балетного училища, семь-десять человек, - ни один театр не может позволить себе такой роскоши, разве что Мариинский. Но, проработав немного, они почему-то становятся не лучшими, а худшими. Это тоже болезнь, которую надо лечить. Можно долго рассуждать о причинах этих бед. Одна из них в том, что никому нельзя долго сидеть в руководящем кресле - будь то Григорович, Гордеев или кто-то еще: утрачивается реальный взгляд на вещи.

- Сейчас Большой превратился в некий музей великого классического наследия. За много лет - ни одной яркой современной постановки. Никого из ведущих западных балетмейстеров сюда не приглашали. Но ведь в искусстве стоять на месте - значит идти назад.

- Давайте будем исходить из того, что Большой - это театр академический. И кстати, если огляды-

владельцев, то ведь и там крупнейшие театры в сезон ставят именно нашу классику, а потом едут на гастроли и показывают современные постановки. А уж в Большом классика должна идти обязательно. Ее нужно обновлять за счет оформления, костюмов, новых подходов к исполнению. Невозможно же сегодня представить на сцене декорации или танцевальную манеру начала XX века - это будет комично. Так что балет развивается и в классических постановках.

плечи, но даже руки до кончиков пальцев...

- Вообще в балетной среде вы известны своей редкостной работоспособностью. А в детстве, наверно, больше хотелось гонять в футбол с мальчишками, чем по многу часов трудиться в балетном классе?

- Если уж говорить о спорте, то я перезанимался всеми видами - футболом, баскетболом, волейболом, каратэ, в хоккее был защитником. Так что это мне было не чуждо. А в училище моим педагогом был Петр Антонович Пестов. Его фанатичной влюбленностью в балет невозможно было не заразиться. Помню, в предвыпускном классе я, семнадцатилетний, стоял у двери класса и в буквальном смысле плакал оттого, что он меня выгнал, плакал не из-за обиды, а из-за того, что хотел заниматься! Кто-то мне сказал, что водный массаж разбивает жир - и вот, когда все после занятий уходило, я по часу делал сильный душ на каждую ногу. Потом решил, что у меня спина неровная. Записался в бассейн, встал в шесть, в семь был в бассейне, а потом по морозу бежал в училище с мокрой головой - пока добежал до трамвая, волосы были в сосульках. Надо было для балета усилить руки - начал отжиматься и достиг таких результатов, что сам себе удивлялся. То есть я жил только балетом. В результате, когда закончил училище, левый глаз у меня дергался от перенапряжения. Зато, придя в Большой, на самую низкую ставку артиста кордебалета, 98 рублей (отвергнув куда более "выгодные" предложения), я знал весь сольный репертуар, и уже через несколько месяцев танцевал сольные партии. Короче, мое тщеславие не давало мне спокойно жить.

- Оно и сейчас вами движет?

- Сейчас это чувство более холодное. В "Русском балете" я научился трезво смотреть на себя и на сегодняшний день.

- Если вспомнить ваш дуэт с Надеждой Павловой - можно ли сказать, что то были ваши лучшие как для танцовщика годы?

- Ну, это был самый лучший возраст. В балете расцвет у мужчины - 25 лет. Моложе он еще не мастер, мало что пережито и пережито. В то время Васильев и Максимова очень часто гастролировали за границей, и благодаря этому мы весь основной репертуар танцевали здесь, очень рано получили звания. А теперь, спустя годы, мы с ней оказались по разные стороны баррикад. Она подала заявление об уходе, видимо, понимая, что что-то в жизни проиграла. По-моему, она неправа. У артистов балета, уходящих сегодня на пенсию, жизнь очень трудная, порой им жить не на что...

- А почему вы в пору расцвета своей артистической карьеры вдруг пошли учиться на факультет журналистики?

- Мне мало было заниматься чем-то одним. Я мечтал создать балетный журнал, и дипломную работу посвятил этой теме, и много хлопотал о его открытии, мы обсуждали это с Ганичевым, с Тяжельниковым, ходили даже к Сулову. Так что "Советский балет" (теперь "Балет") был открыт не без моей помощи, и я до сих пор вхожу в его редколлегию.

- А кроме балета, есть у вас какие-то увлечения?

- Ну конечно, я не "инопланетянин". Одно время пристратился к охоте, причем только на кабанов. Кабан - это как бы такой черт лесной, а других животных убивать мне жалко. Когда сидишь зимой в засаде, на морозе, в тулупе, не двигаясь часа два и больше, то с особой остротой ощущаешь все звуки и запахи леса, и очень хорошо думаешь обо всем на свете. Что еще? У меня очень большая коллекция пластинок. Хотя я, конечно, не разбираюсь в музыке профессионально, как моя жена - она пианистка. А самое большое счастье сейчас - это дочка. Ей нет еще двух лет.

- Пройдя через все трудности и стрессы, связанные с балетом, вы хотели бы, чтобы дочка пошла по вашим стопам?

- Если у нее будут данные, чтобы добиться успеха (об этом судить пока рано) и будет желание - то да. Если данных не будет, не будет желание - я подумаю. Если не будет ни того, ни другого - ни за что не отдам в балет! Заниматься нелюбимым делом я не пожелаю даже врагу.

Беседу вела
Галина ЧЕРМЕНСКАЯ